

Есть в моей домашней библиотеке книга – двухтомник мемуаров В.А. Крючкова, председателя КГБ, члена Политбюро ЦК КПСС, вышедший в 1996 году – к чтению которой я всё никак не решался приступить. Внутри меня что-то мешало это сделать. Вернее всего не хотелось возвращаться памятью в ту жуткую (во всяком случае, именно так я её тогда воспринимал) атмосферу терзания, поругания и в итоге уничтожения страны, которая являлась моей Родиной, которой я принимал присягу, служа срочную службу в рядах Советской Армии. Это чувство сродни тому, когда дорогого человека принародно, публично, на площади озверевшая толпа, потерявшая разум и чувство совести оплёвывает, оскорбляет, улюлюкает, а ты кричишь, пытаясь её вразумить, но слова твои тонут в общем рёве жаждущих «завтра жить как в Европе», как будто они действительно знали, какая она там, за границей СССР, жизнь.

Меня удерживало от чтения книги ещё и то, что опасался найти в мемуарах одного из главных спецслужбистов страны подтверждения тому, о чём догадывался всегда после крушения СССР, о чём не раз писал в статьях – в стране не нашлось ни одного политического и военного деятеля высшего эшелона власти, кто бы не убоился за собственное благополучие и рискуя всем взял бы на себя смелость защитить её в момент гибели.

Но, видимо, пришло время, и я, достав книги с верхней полки стеллажей, приступил к их чтению, вычлняя из обширного содержания главные темы, которые и постараюсь сконцентрировать в отдельных главах. И первую из них назову:

М. С. ГОРБАЧЕВ

В.А. Крючков на протяжении длинного текста своих воспоминаний много нелицеприятно говорит о генеральном секретаре ЦК КПСС и первом (он же единственный) президенте СССР. Однако первоначальное

впечатление об энергичном и молодом партийном функционере расположило Крючкова к Михаилу Сергеевичу.

«До 1985 года я не встречался с Горбачевым, только слышал о нем. В том памятном 1985 году я был среди тех, кто приветствовал его приход к власти».

Вот как этот приход происходил. Но вначале история того, как Михаил Сергеевич оказался на самом вершине власти в СССР. Тут ценны воспоминания не пересказанные кем-то, а непосредственного очевидца. Понимаю, и слова Крючкова, как проигравшей стороны, можно поставить под сомнение, и всё-таки...

«Мне известно, что, когда началось обсуждение кандидатуры на пост лидера партии, Громыко первым назвал Горбачева. (...) Известно мне и другое. Вскоре Громыко стал высказывать сожаление по поводу сделанного им выбора и внесенного предложения об избрании Горбачева на пост лидера партии. В конце своей жизни он уже громко сетовал по этому поводу, считал, что крупно ошибся, обманулся в Горбачеве. Чувствовал себя виноватым в том, что из-за человека, которого он предложил и на кандидатуру которого настоял, в стране начались процессы, опасные для нашего государства и общества.»

В январе 1988 года указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено воинское звание генерала армии. Указ был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. Громыко. Андрей Андреевич позвонил мне и тепло поздравил. Состоялся необычно откровенный разговор, учитывая сдержанный характер Громыко. (...) По ходу разговора Громыко обронил фразу, что ему, видимо, придется уходить на пенсию, но на душе неспокойно. «Боюсь за судьбу государства. В 1985 году после смерти Черненко товарищи предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой», — заключил он. (...) «Яковлев и Шеварднадзе — не те люди, куда зайдут они вместе с Горбачевым?» — несколько неожиданно для меня сказал Громыко. (...)

Каждое предупреждение Громыко о том, что то или иное решение может привести к крайне нежелательным последствиям для Советского государства, воспринималось Горбачевым болезненно, в штыки. Он стал раздражать Горбачева. (...) Размышляя над обстоятельствами удаления Громыко от непосредственного руководства внешнеполитическим ведомством, уже позже я пришел к однозначному выводу — Громыко был слишком тверд и последователен во внешних делах, «неуступчив» с точки зрения Запада, его надо было заменить податливым министром и с помощью последнего реализовать так называемое новое мышление в международных делах».

Удивляет то, как мелочно отомстил генеральный секретарь ЦК КПСС знаменитому на весь мир советскому министру иностранных дел — возглавлявшему внешнеполитическое ведомство непрерывно целых тридцать лет.

«Спустя год Громыко не стало. Прощаясь с ним в Доме Советской Армии (не в Колонном зале Дома Советов, где обычно отдавали последние почести людям такого ранга, не попавшим в силу каких-то причин в опалу), я вспомнил его пророческие слова...»

А. Н. ЯКОВЛЕВ

Теме взаимоотношений между М.С. Горбачевым и А.Н. Яковлевым в воспоминаниях председателя Комитета государственной безопасности уделяется особое внимание. И тому, безусловно, есть объективные причины.

В.А. Крючков вскрывает факты над которыми стоит основательно задуматься и сейчас, по прошествии десятилетий. В личности А.Н. Яковлева и его взаимоотношениях с М.С. Горбачевым, как мне кажется, сокрыта вся трагедия будущего крушения страны. И то, что в этом были замешаны спецслужбы западных стран не вызывает никаких сомнений, хотя Владимир Александрович напрямую этого не утверждает и даже как бы старается обойти такой вопрос стороной.

Итак:

«Первая наша встреча состоялась, пожалуй, в 1983 году, в бытность мою начальником Первого Главного управления КГБ. Когда мне доложили, что со мной хотел бы встретиться Яковлев, бывший тогда послом СССР в Канаде... (...) Помню, что именно в этот момент мне по какому-то другому вопросу позвонил Андропов, бывший тогда уже Генеральным секретарем ЦК КПСС. Воспользовавшись этим звонком, я вскользь заметил, что мне предстоит встретиться с Яковлевым. (...) Юрий Владимирович (...) ...подчеркнул неоткровенность этого человека («Что он думает на самом деле, ни черта не поймешь!»), но и, более того, выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом. (...) Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже как работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. «Кстати, — заметил Юрий Владимирович, — есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются». В числе хлопочущих людей был назван и Арбатов, который, по словам Андропова, еще при Брежневле сам приложил руку к тому, чтобы отправить Яковлева подальше из Москвы на посольскую работу, «а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца».

Выходит, «всесильный» Комитет государственной безопасности вовсе не был таковым, даже проявлял некую беспечность к тем людям в самых верхних эшелонах власти, о которых имелась вполне настораживающая информация.

Так или иначе, но Яковлев вернулся в Москву и, не понеся никаких издержек из-за имеющихся относительно его сведений, тут же возглавил Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, вошёл в самый ближний круг Горбачева.

Почему так произошло? Крючков приводит чрезвычайно важный, на мой взгляд, факт.

«Близко познакомились они в 1983 году, когда совпосол в Канаде Яковлев всячески обхаживал мало заметного тогда члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Горбачева во время его официального визита в эту страну. Я не замечал, чтобы Яковлев в ту пору, да и в последующее время, слишком высоко отзывался о Горбачеве, но с этого времени он старался всячески укреплять его позиции и всегда был рядом с ним».

Характеризуя Яковлева, автор приводит такие факты:

«Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь сам он был участником войны, получил на фронте тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу».

Или вот ещё, тоже из разряда эмоциональных оценок:

«Именно Яковлев сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки в Прибалтике, на Кавказе. В Прибалтийских республиках он всячески поощрял националистические, сепаратистские настроения, однозначно поддерживал тенденции на их отделение. На Кавказе «симпатизировал» Армении, а по сути, подстрекал на выступления против Азербайджана, накалял обстановку вокруг карабахской пробле-

мы. Вообще об Азербайджане отзывался всегда с явной неприязнью. (...) Теперь стало ясно, что делалось это умышленно, расчет был на то, чтобы закамуфлировать линию на разрушение Союза, существовавшего конституционного строя, на развал советской государственности. А она-то, эта линия, как раз с самого начала проводилась четко и неуклонно».

Если эта линия «с самого начала проводилась четко и неуклонно», то напрашивается вопрос: а вы-то где были, куда смотрели, как выполняли свой долг по безопасности государства? Ведь Комитет к тому времени обладал относительно этого «гражданина», самой серьезнойстораживающей информацией.

«Начиная с 1989 года в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывающая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров, в числе которых был и безыызвестный ныне О. Калугин, в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете. ФБР проявило повышенный интерес к нашим стажерам с целью возможного приобретения в их лице перспективных источников информации, проща говоря, готовя почву для их вербовки. (...) Калугин, будучи сотрудником КГБ, не только не мешал не слишком невинным забавам своих товарищей, но и сам принимал в них активное участие. Видимо, он полагал, что все их похождения останутся вне поля зрения наших органов, а когда почувствовал, что ошибся, ловко отвел удар от себя лично, настрочив донос на своего приятеля, стажера Бехтерева, который после этого на многие годы стал невыездным. Может быть, он и до сих пор не знает, кому обязан (кроме самого себя, конечно) таким поворотом дела... Яковлев отлично понимал, что находится под пристальным наблюдением американцев, чувствовал, к чему клонят его новые американские друзья, но правильных выводов для себя не сделал. Он пошел на несанкционированный контакт с американцами, а когда нам стало об этом известно, изобразил дело таким образом, будто сделал это в стремлении получить нужные для Советской страны материалы из закрытой библиотеки. Инициатива Яковлева не была поддержана представителями нашей службы безопасности и дальнейшего развития, будем считать, не получила. Никаких претензий к Яковлеву предъявлено не было».

Выходит, наката негодяй донос на своего коллегу, и органы удовлетворённо успокоились. На того, на кого донос настрочили, взяли в оборот, а истинному виновнику, негодяю-предателю, дали дослужиться до генеральского чина в своей структуре.

Ну а к будущему «прорабу» развала СССР и вовсе никаких претензий не оказалось. И то, что, по словам Крючкова, «...канадцы, с одной стороны, отмечали полезность встреч с ним (Яковлевым – **В.С.**) в силу их информативности, а с другой — довольно пренебрежительно отзывались о его личных и деловых качествах, подмечая в нем ограниченность и стремление работать только на себя» сейчас нас мало утешает. Напротив: порождает опять горький вопрос – если канадцы всё это видели, то почему не разглядели вы?

«В 1990 году Комитет госбезопасности как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежных) источников крайнестораживающую информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации. Но, видимо, на Западе считали, что Яковлев сможет проявлять больше настойчивости и активности, и поэтому одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего. (...)

До сих пор хорошо помню свою беседу с Горбачевым. Я показал ему информацию — агентурные сообщения, откровенно поделился опасениями, подчеркнул необходимость тщательной и срочной проверки. Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со своими чувствами. Немного придя в себя, он спросил, насколько достоверной можно считать полученную информацию. Я ответил, что источник, сообщивший ее нам, абсолютно надежен, но объект информации настолько неординарен, что весь материал нуждается еще в одной контрольной проверке. При этом я рассказал, что каналы и способы проведения необходимых проверочных мероприятий в данном случае имеются, и притом весьма эффективные, и всю работу можно будет провести в сжатые сроки. Горбачев долго молча ходил по кабинету. «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!» — вдруг вырвалось у него. Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее. «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, — заглядывая мне в глаза, лепетал он, — сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал!» Видя всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чем-то напряженно размышляя. «Слушай, — выпалил он вдруг с облегчением, — поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе на это скажет». (...) «...мы же просто предупредим Яковлева, и на этом дело закончится, до истины так никогда и не докапаемся. Горбачев слушал мои возражения рассеянно, и я понял, что решение он уже принял. Было совершенно очевидно, что в случае отказа поговорить с Яковлевым Горбачев предупредит его сам».

Крючков описывает этот разговор и реакцию Горбачева на услышанную информацию, как потрясение от «недостойного поведения друга, соратника по работе». Мне кажется, здесь дело явно в другом.

Михаил Сергеевич испугался, что в случае «разматывания клубка» ничтожка может привести к нему, к его если не связям напрямую, то опосредованным контактам с сомнительными западными людьми и службами. Как всякий до предела самолюбивый и трусливый человек, он был потрясен «открывшейся для него перспективой» и, надо отметить, нашёл из катастрофического для себя положения самый безопасный выход — не самому предупредить агента о грозящей тому опасности, а использовать для этого тех, кто его деятельность должен был расследовать. Тем самым Горбачев оставил для себя отличный отход — всегда мог на обвинение ответить: «Вы же сами его предупредили. Если бы я был в чём-то виновен, то сделал бы это лично». Хитёр и изворотлив.

Крючков, как видно из дальнейшего текста, в эту сторону даже не помышлял.

«Мы условились с Болдиным устроить под благовидным предлогом встречу втроем, в ходе которой Валерий Иванович на короткое время оставит меня наедине с Яковлевым для разговора с глазу на глаз. Так и поступили. Как только мы оказались вдвоем, я сказал Яковлеву, что у меня есть одна неприятная информация, с содержанием которой я решил его ознакомить. Вкратце изложив Александру Николаевичу суть дела, я стал внимательно наблюдать за его реакцией. Вид у Яковлева, надо сказать, был неважнецкий, он был явно растерян и ничего не мог выдать из себя в ответ, только тяжело вздыхал. Я тоже молчал. Так мы и просидели до возвращения Болдина, не проронив ни слова по существу. Я понял, что Яковлев просто не знает, что сказать в ответ, судя по всему, для него весь этот разговор явился полной неожиданностью. Значит, Горбачев, подумав я, решил не торопить события и не предупредил заранее своего протеже. В этой ситуации оставалось только ждать продолжения всей этой истории. Разумеется, о состоявшемся разговоре и его особенностях я тут же доложил Горбачеву. В ответ — все то же гробовое молчание».

Сам Крючков по этому важнейшему вопросу так никаких мер и не принял. Во многих местах книги, автор крайне нелицеприятно отзывается о Сталине, используя такие заезженные фразы из лексикона конца 80-х годов отечественных «демократов», как: «...о тяжёлых, разрушительных последствиях сталинизма» и подобные им.

И не приходит в голову Владимиру Александровичу, что веди вождь себя подобным образом в те времена, как он с Горбачевым сейчас, никакого СССР и в помине бы не было, а страна умылась бы такой кровью, понесла такие экономические потери, которые им с Михаилом Сергеевичем и не снились. Ведь в тридцатые года тоже всё держалось «на ниточке». Однако, на то и вождь в стране, чтобы её спасти, а не ждать на это милостивого разрешения от кого либо.

«Прошел день, неделя, месяц, – продолжает Крючков своё повествование, – а Яковлев все никак не затевал разговора на эту тему ни со мной, ни, со слов Горбачева, с самим Президентом, хотя и общался с ним ежедневно. Тогда я спросил у Михаила Сергеевича, что делать, может быть, провести проверку? Но Горбачев «добро» на проверку сигнала так и не дал, посоветовав вместо этого поговорить с Яковлевым еще раз. Мне оставалось только подчиниться. Я поехал в ЦК КПСС к Яковлеву с каким-то сравнительно небольшим вопросом и попутно поинтересовался у Александра Николаевича, не говорил ли он с кем-либо, в частности с Горбачевым, о нашей недавней беседе. «Вопрос серьезный, — заметил я, — мало ли что может быть». В ответ услышал лишь тихо произнесенное: «Нет». Ну а что Президент СССР? Он опять промолчал, когда я докладывал ему о своем повторном разговоре с Яковлевым. На том дело и кончилось — молчал Горбачев, молчал Яковлев, а я еще надеялся, что Президент рано или поздно одумается и разрешит, наконец, предпринять необходимые меры...»

Страна разваливается. Идут донесения со всех сторон с предупреждениями, а он ходит по приёмным, выспрашивая разрешения на проведение проверки.

«Вскоре А. Яковлев ушел из аппарата ЦК партии и был назначен руководителем группы консультантов при Президенте. Правда, в созданный при Президенте СССР Совет безопасности, не знаю уж по какой причине, Яковлев не вошел (хотя после августа 1991 года стал его членом), но даже на своем новом посту он все равно был допущен ко всем государственным секретам. И отношения между Горбачевым и Яковлевым не претерпели никаких изменений, они по-прежнему отличались сердечностью и высокой степенью доверительности... А «щекотливый» вопрос о возможном сотрудничестве Яковлева с американскими спецслужбами так и повис в воздухе, его больше никто — ни он, ни Горбачев — в беседах со мной никогда не затрагивал».

Ничего себе! А им-то с чего «затрагивать» этот вопрос? Это всё равно, если бы вор пришёл в милицию и «затронул» вопрос о совершённом им воровстве со следователем, ведущим его дело.

Чем в итоге закончилась деятельность этих двух персонажей – мы знаем.

«...мои показания на этот счет, данные в ходе следствия по делу ГКЧП, прокуратурой также были оставлены без внимания. А ведь я прямо указал, что в КГБ поступала информация по Яковлеву, о его «недопустимых с точки зрения безопасности государства контактах с представителями иностранной державы».

Так если ты, глава КГБ, на котором лежала ответственность за безопасность страны, ничего не сделал, так чего теперь упрекать прокуратуру, которой никаких документов расследования твоё ведомство не предоставило, никаких доказательств, никаких расследованных фактов.

И никакая публикация разоблачительной статьи в газете «Советская Россия» («Посол беды» от 13 февраля 1993 года) помочь в решении вопроса не могла. Во-первых – страну уже проиграли, СССР перестал су-

ществовать. Во-вторых – к власти пришли люди, которые сами в этом вопросе были далеко не безупречны. Да, при проверке Генеральной прокуратурой изложенных в статье фактов, Горбачев не отрицал того, «...что сигналы шли от определенного источника, причем, весьма важного, которые свидетельствовали о возможности сотрудничества Яковлева с американской разведкой. Однако каких-либо конкретных фамилий Крючков не называл, и потому все это вызвало у Горбачева сомнения».

А что ещё по этому поводу мог ответить Михаил Сергеевич? Формальное его заявление – чистая правда.

Дали свои показания на процессе и сослуживцы Крючкова: «бывший начальник разведки Л. В. Шебаршин, бывший заместитель начальника разведки Ю. И. Дроздов — подтвердили, что за период их работы в конце 80-х годов в разведку действительно поступали сигналы о недозволенных контактах Яковлева с представителями западных стран. Они докладывались Крючкову, однако от последнего не было указаний на их проверку, поэтому никаких проверочных действий не проводилось».

Но всё это уже было впустую. Время ушло. И осталось автору мемуаров только сетовать:

«Любой другой на месте Яковлева настаивал бы на проверке, причем не ради проформы, а по существу. Но, видимо, в интересах каких-то сил оставить это дело «под сукном», не доводить проверку до конца и тем самым увести в сторону от истины, хотя интересы государственной безопасности требуют совершенно иного».

Что же касается моего подозрения в том, что и Горбачев, и Яковлев оба были замазаны в связях с американской разведкой, то приведу последнюю цитату в этой записи из мемуаров бывшего председателя КГБ СССР.

«Посколькустораживающие сигналы в отношении Яковлева поступали до этого и в разведку, руководителем которой я был, и в КГБ, Чебриков счел нужным посоветовать мне проявлять осторожность во всем, что связано с Яковлевым. «Учти, — говорил он мне, — Яковлев и Горбачев — одно и то же. Через Яковлева не перешагнуть, можно сломать шею».

Вот Владимир Александрович Крючков, по собственным его признаниям, и не перешагнул. Шею не сломал, спас. А страна... да шут с ней, с этим СССР, с миллионами погибших, с беженцами, с разрухой и разграблением. Главное шея – вот она, на месте.

АФГАНИСТАН

Горько было узнавать из мемуаров В.А. Крючкова в подробностях о том, как сдавалось всё, что было достигнуто СССР в этой мусульманской стране. Как член Политбюро А. Яковлев и тут явно работал не в интересах Москвы. Он, вносил какие-то предложения по урегулированию возникшего военного конфликта в среднеазиатской республике, но потом оказалось, и от этих своих предложений он отрёкся (обманул). Как затем обманули Москву будущие «западные партнёры». В 1996 году (когда вышли из печати воспоминания) этот термин в публичном пространстве у нас ещё не использовался так широко, но суть понятия от этого не меняется.

Сначала выпишу то, что касается непосредственно А. Яковлева – чёрного гения перестройки. Даже внешне личности крайне не симпатичной, отталкивающей – я это прекрасно помню.

«Отдельно стоит остановиться на линии поведения в этом вопросе А. Яковлева. Он и здесь держался особняком. С самого начала его позиция сводилась к следующему: немедленно и без каких бы то ни было условий вывести наши войска из Афганистана, а там — будь что будет! Любопытна и тактика достижения этой цели.

До вывода войск Яковлев говорил, что наш уход можно было бы компенсировать увеличением поставок военной техники и снаряжения («Сколько надо, столько и дадим!» — с жаром повторял он), обеспечением проводки конвоев по афганским дорогам и даже оказанием воздушной поддержки с территории Советского Союза. Он высказывался за создание на территории Афганистана военных баз и учебных центров.

Но это были только слова! Самое главное для «идеолога» перестройки было добиться вывода наших войск из Афганистана, а затем бросить на произвол судьбы эту страну, а заодно с ней и интересы Советского Союза. А ведь не мог Яковлев не отдавать себе отчета в том, что Афганистан в случае такого предательства с нашей стороны станет легкой добычей для своих собственных, да и наших общих противников! (...)

Как только вывод советских войск был завершен, Яковлев стал открыто выступать против дальнейшего оказания помощи Афганистану, настаивал на полном ее свертывании. Ни о каком сохранении позиций, нашего влияния в Афганистане с его стороны уже не шло и речи. На напоминания о прежних высказываниях он отвечал лишь колючими взглядами. О советской Средней Азии, об интересах ее безопасности Яковлев не хотел даже слышать».

И всё-таки прежде чем вывести советские войска с территории Афганистана, были достигнуты договорённости о мире в этой стране.

«Женевские переговоры и соглашения по Афганистану, предусматривавшие полный вывод советских войск к 15 февраля 1989 года и одновременное прекращение военных поставок из Советского Союза, Пакистана и других стран, с самого начала были лишь ширмой, видимостью конструктивного решения проблемы, слабо прикрытым желанием сохранить наше лицо в условиях полной политической капитуляции.

Советская сторона послушно выполняла и даже старательно перевыполняла условия женевских соглашений, в то время как американцы всем своим поведением доказывали, что свои собственные обязательства они попросту игнорируют и ждут лишь одного — скорейшего и окончательного ухода наших войск из Афганистана.

Соединенные Штаты Америки шли к своим целям в Афганистане прямым путем, особо их не скрывая. Цель у них была свергнуть режим Наджибуллы и привести в Кабул правителей другого толка, которые отвечали бы в полной мере интересам западных стран и ни в коей мере не интересам Москвы.

США громко говорят о своих национальных интересах применительно к событиям то в одной, то в другой стране. Не удовлетворяла политика М. Бишопа в Гренаде — и последняя была оккупирована. Не понравился президент Панамы Норьега — и это государство было захвачено, а его президент был отдан под американский суд и осужден на умопомрачительный срок тюремного заключения.

Соединенные Штаты Америки не остались в стороне от событий в Сальвадоре, Никарагуа, продолжают постоянно грозить Кубе. Возник иракско-кувейтский конфликт, и Вашингтон посчитал нужным и возможным вмешаться в этот конфликт на стороне Кувейта, обрушить всю свою военную мощь на иракские вооруженные силы. (...)

А Советский Союз лишился такого права, даже когда речь шла о соседнем государстве, граница с которым безразлична с точки зрения интересов безопасности такого огромного региона, каким являлась советская Средняя Азия. (...)

Почти все политики, особенно специалисты по афганской проблеме, предрекали, что после того, как советские войска уйдут из Афганистана, а народный режим Наджибуллы будет брошен, не только Кабул, но и весь Афганистан превратится в одно кровавое месиво, в котором будут перемалываться судьбы целых народов, тысячами гибнуть ни в чем не повинные люди. Так оно и произошло. (...)

Было очевидно, что с Москвой ведут откровенную игру. А наша дипломатия тем временем продолжала делать вид, что развитие обстановки вокруг Афганистана идет в соответствии с духом женевских соглашений.

В сущности, история женевских переговоров и соглашений свидетельствует о том, что с нашей стороны шла прямая сдача союзника по всем направлениям. Во время переговоров в Женеве и после них советская сторона делала одну уступку за другой, ничего другого не оставалось и афганским друзьям».

И вот советский военный контингент покинул пределы Афганистана. К чему это привело.

«...15 февраля 1989 года последний советский воин покинул Афганистан. Вопреки многочисленным прогнозам кабульский режим не пал через один-два месяца, а продержался в течение почти трех лет и, более того, за это время даже укрепил свои позиции. И это несмотря на то, что ситуация изменилась: не стало Советского Союза, сократилась наша помощь, а с 1 января 1992 года наши военные поставки в Афганистан вообще были полностью прекращены.

В конечном счете, поражение кабульского режима произошло отнюдь не потому, что он был объективно обречен изнутри, а в силу внешних причин, в первую очередь связанных с развитием ситуации в Советском Союзе. Достаточно сказать, что мы фактически признали другую воюющую сторону, и одно это, конечно же, в корне изменило всю ситуацию, связанную с афганской проблемой. (...)

Прошел месяц, второй, а Кабул стоял и, более того, положение вокруг столицы даже укрепилось. Спустя полгода стали свободными для транспорта дороги на Кандагар (юг страны) и на Герат (запад). Практически без перерывов функционировала автострада на Джелалабад — город на востоке страны, недалеко от границы с Пакистаном. Попытки отдельных оппозиционных сил организовать наступление на некоторых участках довольно быстро и эффективно пресекались. Для многих такое положение явилось полной неожиданностью. (...)

Проходили месяцы, а жизнь в стране продолжала медленно, но верно идти в благоприятном направлении. Кабулу удавалось все более овладевать обстановкой в некоторых районах страны, активизировались контакты с полевыми командирами, что явилось важнейшим, а в тех условиях, может быть, даже решающим фактором стабилизации обстановки в стране.

В практическую плоскость встали вопросы развития и укрепления наших торгово-экономических связей. Возобновилась подача газа в Советский Союз. Огромную тягу к торговле с нами проявляли афганские крестьяне. Они предлагали широкий ассортимент товаров — хлопок, шерсть и изделия из нее, мясо, растительное масло, высоко ценящиеся в мире изюм и сухофрукты, а также многие другие товары. (...)

Оставалась открытой граница на востоке, юге и западе страны, и просачивание боевых группировок моджахедов с территории соседнего Пакистана было практически беспрепятственным и непрерывным. Доступ у вооруженной оппозиции к зарубежным источникам поставок оружия и живой силы, несмотря на женевские соглашения, оставался беспрепятственным».

Ну и о горьком. Ещё раз зафиксируем количество потерь в этой войне армии СССР.

«Общие наши потери за 10 лет — убитыми, умершими от ран и болезней, включая небоевые потери, — составили 13 тысяч 300 человек. Количество раненых — около 30 тысяч. Пропало без вести 311 человек, из них большая часть попала в плен. Лишь единицы перешли к противнику добровольно. (...)

Нелишне вспомнить, что Соединенные Штаты Америки за три года активных боевых действий потеряли во Вьетнаме 54 тысячи человек

только убить. Во время корейской войны в 1951–1953 годах над Северными Кореей было сброшено более 1250 американских боевых самолетов, потери одного только летного состава определяются приблизительно 4 тысячами человек».

Вывод, к которому приходит Владимир Александрович в конце размышлений, касающихся опыта, приобретённого из-за «афганских событий».

«Если некоторые полагают, что с противостоянием покончено раз и навсегда, то они глубоко ошибаются. Свидетельство этому — многочисленные военные конфликты, которые и сегодня происходят в мире. Прежде чем человечество избавится от войн, больших или малых военных конфликтов, от междоусобиц, от жесткой борьбы на мировых рынках, от политического противоборства, от силового давления, пройдет еще немало времени, и будет ли это время исчисляться десятками или сотнями лет, никто сейчас с точностью ответить не сможет».

В это время на пороге России уже стояла, дожидаясь своей очереди, страшная «чеченская» война, вот-вот должно было произойти столкновение с Грузией, в полную силу поднимался украинский национализм...

А что там впереди – никто этого сейчас с полной определённой предсказать не может.

Думаю, мемуары В.А. Крючкова ещё по многим моментам породят нерадостные вопросы. И в первую очередь – почему так бездарно закончил свою кратковременную деятельность Государственный Комитет Чрезвычайного Положения.

ГКЧП

В своих мемуарах председатель КГБ СССР В.А. Крючков даёт характеристики некоторым представителям самого высшего звена своего ведомства. В их числе первый заместитель председателя, генерал армии Ф.Д. Бобков (ушёл в отставку с поста в начале 1991 года) и заместитель председателя – начальник Первого Главного управления (разведка) генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин (подал рапорт об отставке, не согласившись с теми назначениями, которые начал делать после «путча» 1991 года кратковременно руководивший Комитетом государственной безопасности Бакатин).

Вот как Бобкова и Шебаршина характеризует Крючков.

«В начале 1991 года ушёл на пенсию первый заместитель председателя Комитета – Ф.Д. Бобков, участник Великой Отечественной войны, в органах проработал с 1945 года, начав путь с младшего оперуполномоченного, с огромным оперативным опытом на различных направлениях чекистской деятельности... (...) Заместителем Председателя – начальником Первого Главного управления в начале 1989 года был назначен Л.В. Шебаршин... Ему тогда только что исполнилось 54 года, в разведке проработал более 25 лет. Неоднократно находился в длительные заграничные командировки (Пакистан, Индия, Иран), востоковед, владеет английским, хинди, фарси. Человек острого ума, широко образован, начитан, большой книголюб, опытный оперативник, хотя больше склонен к аналитической работе... Отличался самостоятельным мышлением, принципиален, умел постоять за свою точку зрения, не был лишён самолюбия, но, по-моему, без особого перебора. С новым председателем Комитета Бакатиным решительно не сработался... подал рапорт об отставке... (...) В личном плане Шебаршин никогда не был мне близок... Мне не раз приходилось бывать с ним в зарубежных командировках, в том числе неоднократно в Афганистане. В острых ситуациях Шебаршин вёл себя мужественно, не терялся, быстро устанавливал контакты, умел расположить собеседника».

И того, и другого мне не единожды приходилось видеть во время встреч членов «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб

Н.И. Рыжкова)». О Бобкове попадались в публикациях упоминания не совсем лестные. О Шебаршине – никогда.

Внешне они были полной противоположностью. Бобков выглядел добродушным, располневшим, облысевшим дедушкой. Не помню, чтобы он или во время чьего-нибудь доклада, или после за ужином выступал или задавал вопросы. Шебаршин вёл себя активно. Физически он выглядел вполне в форме. Тёмные волосы аккуратно причёсаны. Облик этого человека выдавал в нём жёсткость характера. Жаль, что сам я был излишне скромнен и мало с ними разговаривал, оттого многое упустил, что возможно было узнать «из первых уст».

Ну да это небольшое отступление от главной темя заявленной главы.

Дочитав двухтомник воспоминаний В.А. Крючкова «Личное дело», вновь поймал себя на мысли, что гнетущее впечатление оставила книга. Конечно же, в первую очередь меня интересовала история ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). Да, М.С. Горбачёв в этот период вёл себя подло, цинично, эгоистично. В очередной раз в этом убедиться было горько: так бездарно потерять страну, которую наши предки собирали и осваивали, защищали и берегли, не жалея пота и крови. Но ведь рядом были люди, которые видели и его отношение к обязанностям главы государства, и имевшие власть над всеми структурами жизнедеятельности СССР, и сами обладавшие профессиональными и человеческими качествами. В конце концов, они вроде бы даже решились спасти государство, однако так ничего для этого в итоге и не сделали. Вместо действий – вновь, в который уже раз, отправились к Горбачёву в Форос, чтобы он что-то предпринял. Хотя ведь знали, что он ничего предпринимать не будет.

Когда читая книгу следишь за происходящим абсурдом в наивысших эшелонах власти, то невольно поражаешься – не нашлось ни одного человека, кто бы решился взять на себя смелость защитить СССР. Возможно в переиздании книги (а такое было) бывший председатель КГБ какие-то эпизоды смягчил, иначе обосновал, но я читал первый выпуск мемуаров (1996 год), написанный по горячим следам, и в этом тексте всё выглядит так, как я сейчас оцениваю.

Впрочем, чтобы читатель понял, что я имею в виду, предоставляю слово самому Владимиру Александровичу. Вот как сам он рассказывает о завершающей фазе крушения СССР. Понимаю, многие люди из моего поколения очерёдность происходивших тогда событий помнят, но тут важны детали.

Итак:

«29-30 июля 1991 года в Ново-Огарёве состоялась встреча Горбачёва, Ельцина и Назарбаева. Как потом стало известно, на этой встрече речь шла о широком круге вопросов, касающихся судьбы Советского государства... прекращения деятельности Союзных законодательных и исполнительных органов и создания взамен их новых».

Это уже в рамках планируемого создания некоего нового объединения Союза Советских Суверенных Республик. О том, что это фактически приведёт к развалу единого государства, многим из тех, кто владел информацией по этому вопросу, было абсолютно понятно.

«Горбачёв вёл двурушническую политику в отношении КПСС и союзного государства... – пишет далее Крючков. – Я посоветовался с Болдыным и Шениным и решил откровенно поговорить с Горбачёвым. Этот разговор состоялся в конце июля 1991 года».

Конечно, ожидаемо ни к каким конкретным результатам встреча не привела.

«Я понял, что он уходит от вопроса; он, как всегда, вилял... было видно, что на путь раскола он встал окончательно и бесповоротно».

Запомним эту фразу. Потому что, несмотря на понимание, разговоры будут продолжаться и даже в самый последний момент гекачеписты вновь отправятся «поговорить».

«К августу 1991 года было покончено с централизованным планированием. Прекращали свою деятельность одно центральное ведомство за другим. (...) Мучительно встал вопрос: что же делать в этой ситуации? Как спасти Родину? Как уберечь её от неизбежного хаоса, до которого оставалось всего полшага?»

4 августа 1991 года Горбачёв отправился отдыхать на юг, а страна вышла на финишную прямую к своему развалу. (...) Не хотелось в это верить, но было совершенно очевидно: Президент СССР или бессилён, или не хочет предпринять реальные меры для спасения государства.

В подобной ситуации необходимо было государственно обеспокоенным руководителям страны предпринимать какие-то меры, действовать – разве не так?

*«В последнем разговоре со мной, – вспоминает Крючков, – перед отъездом в отпуск он (Горбачёв – **В.С.**) многозначительно заметил: «Надо смотреть в оба. Всё может случиться. Если будет прямая угроза, то придёт время действовать». 5 или 6 августа 1991 года я встретился с Язовым (министр обороны СССР – **В.С.**) и мы во исполнение поручения Горбачёва договорились изучить обстановку, подготовить предложения, полностью отдавая себе отчёт в том, что ситуация ухудшается с каждым днём.»*

Да, Горбачёв хитрил, выгадывал лично для себя лучшую позицию, заботился о своём будущем, а не о будущем страны. По большому счёту, последнее его не интересовало ни в какой мере, если там не светила должность руководителя. Однако министры пытались фактами и аналитическими докладами (предоставляемыми президенту СССР) изменить ситуацию.

«А тем временем продолжались рабочие контакты с Горбачёвым. Ежедневно с ним связывались по телефону Председатель Кабинета Министров В.С. Павлов, Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, Министр обороны СССР Д.Т. Язов, руководитель аппарата Президента В.И. Болдин, первый зам. председателя Совета обороны О.Д. Бакланов, член Политбюро О.С. Шенин, осуществлявший во время отсутствия М.С. Горбачёва руководство партией. Почти каждый день разговаривал по телефону с М.С. Горбачёвым я.»

Обсуждали сложившуюся ситуацию руководители главных ведомств страны и между собой.

«Не раз в те дни мне приходилось говорить по телефону с Язовым, Шениным, Павловым, Баклановым, Болдиным, другими товарищами; все полагали, что Горбачёв вот-вот прервёт отпуск, прилетит в Москву, вернётся к рассмотрению Союзного договора и примет решение, которое позволило бы избежать беды. Но, к сожалению, этого не произошло.»

Иными словами... *«Всё свидетельствовало о том, что он и мысли не допускал, чтобы как-то прервать нежелательный процесс...».*

Тогда названные выше лица решают вновь встретиться: 17 августа 1991 года «на одном из объектов Комитета госбезопасности... приехали Павлов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин...» Крючков выступил хозяином. Дополнительно присутствовали заместители министра обороны СССР В.А. Ачалов и В.И. Варенников, заместитель председателя КГБ В.Ф. Грушко.

Павлов объяснил – с экономикой катастрофа, «на кредиты рассчитывать не приходится, их просто не дают, потому что мы (СССР – **В.С.**) больше не платёжеспособны. Советский Союз не имеет даже средств рассчитываться по процентам за ранее полученные кредиты».

Язов сетовал: *«...разоружение благодаря усилиям Шеварднадзе... идёт с явным перекосом в пользу западных стран.»*

Участники встречи понимали – *«...сейчас мы... предали всех, включая Кубу, ни с одной страной нас уже не связывали союзнические отношения.»* В первую очередь имелись ввиду страны бывшего «Варшавского договора» и «СЭВ».

Крючков поделился с собравшимися мыслями, которые пришли ему после получения донесения разведчика-нелегала. *«Речь идёт, – писал разведчик, – о прекращении существования нашего государства. Осведомлённые источники (на Западе – В.С.) говорят об этом как о факте, который наверняка свершится, потому что, судя по всему, в Москве никто не пытается предупредить такое трагическое развитие событий».*

В строках донесения самая горькая правда. В руководстве страны не нашлось ни одного человека, который бы смог взять на себя ответственность за спасение СССР. И история с ГКЧП, к тому же рассказанная непосредственным участником событий, это наглядно подтверждает.

Но тогда на встрече Крючков сообщил и о том, что его источник-нелегал предупреждал *«под предлогом того, что наша страна чрезмерно велика и не в состоянии переварить занимаемое ею пространство, ставится под вопрос территориальная целостность Советского государства».*

Не об эфемерных принципах демократии заботились западные заправилы. Их интересовали сугубо практические вопросы.

Итак, всё выяснено. Но выхода из создавшейся ситуации не видно. Вся власть сосредоточена в руках президента СССР. Без его участия поправить положение невозможно, если только не пойти на совершенно нестандартные и где-то даже противозаконные меры. Впрочем, в их законности никто из будущих членов ГКЧП не сомневался. Но так уж устроена власть в стране – без главного ни шагу.

«С тяжёлым грузом на душе решили всё-таки ещё раз обратиться к Горбачёву с призывом верно оценить ситуацию и принять меры к спасению Отечества, отказаться от подписания Союзного договора в том виде, в каком он был представлен».

Определили группу, которая полетит в Крым: Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников, Плеханов (начальник управления КГБ, отвечающего за безопасность главы государства). Чего же эта группа хотела добиться от Горбачёва? Да опять всё того же: *«положить обстановку, посоветоваться с ним и попытаться получить от него конкретные соображения относительно того, какие меры он намерен предпринять для спасения государства».*

Дом горит, а они всё ездят на поклон к поджигателю, пытаясь у него узнать, как этот дом можно потушить. Люди, обладающие колоссальной властью, руководители партии, специальных ведомств, знающие, кто предатель, и, тем не менее, не в состоянии предпринять ни одного разумного самостоятельного шага. И ведь Крючков об этом рассказывает не с чувством покаяния, сомнения, а с полной уверенностью в правильности совершаемых ими поступков.

Да разве с такими руководителями страна не могла не погибнуть! Ведь вот Владимир Александрович понимает: *«Для решения текущих задач следовало создать какой-то орган или комитет... (...) Поскольку подобные документы ранее по поручению Горбачёва составлялись, неоднократно дорабатывались, то не составляло особого труда довести их до окончательной редакции. Мы были глубоко убеждены в том, что с самого начала поступаем в строгом соответствии с Конституцией СССР, в рамках существующего Советского законодательства...».*

И вновь в который раз о предвидении действий президента СССР: *«При этом для всех было ясно, что Горбачёв будет заботиться главным образом о политическом самосохранении. Нам казалось важным дать ему возможность остаться как бы в стороне». Но вдруг попытается позвонить «другу Бушу» ради поддержки. (Иными словами, капуста вдруг попросит защиты у козла, зашедшего в огород, где она растёт – В.С.) «Исходя из этих соображений... я дал указание отключить связь у Горбачёва...»*

Группа в Форосе встретилась с Горбачёвым. По этому поводу тогда, после провала ГКЧП, ходило в народе много слухов, что Михаил Серге-

свич поручил ввести в стране чрезвычайное положение, но так, чтобы самому «остаться чистеньким», а соратники им порученное дело провалили. По сути, эти слухи, исходя из мемуаров Крючкова, оказались не так уж и далеки от истины. Что же услышали по поводу своего предложения прибывшие в Форос от Михаила Сергеевича?

«Как и ожидалось, ответ был таков: и «да» и «нет». Рукопожатия на прощание, заключительные слова Горбачёва: «Валяйте, действуйте!» (...) Короче говоря, напрашивался вывод: как только Горбачёв убедится в успехе выступления и меры чрезвычайного характера дадут первые положительные результаты, он открыто и самым активным образом поддержит их».

Выходит, и это понимали намерившиеся спасти Отечество министры. Оно было дорого для них. Но, как получается из признания председателя КГБ СССР, не дороже имиджа Горбачёва.

«Забегая вперёд, следует сказать, что подобная линия ГКЧП в отношении Горбачёва была нашей грубейшей ошибкой. (...) Понимание это пришло, к сожалению, слишком поздно, а тогда мы ещё не были до конца свободны от иллюзий, сомнений, мучительных раздумий о Горбачёве, ещё надеялись, что он встанет на путь оздоровления обстановки...»

Да разве с такими «мучительными раздумьями» спасают Отечество люди, у кого в руках командование армией, спецподразделениями, милицией, всей огромной промышленностью СССР и прочее, прочее, прочее?

Мемуары Крючкова дают ясную картину – изначально всё было обречено. Хотя поддержка подавляющего большинства жителей СССР при провозглашении о введении в стране чрезвычайного положения, была налицо. Я сам этому свидетель. Многие вздохнули с облегчением – наконец-то наведут порядок. Всех замучил криминал, рэкет, отсутствие товаров, бескрайнее унижение истории страны, национальное поругание.

Владимир Александрович признаётся – несмотря на призывы «демократов» ельцинского окружения «19-20 августа во всём Советском Союзе с населением почти 300 миллионов человек в забастовках и митингах приняли участие не более 150-160 тысяч человек, и то условно... Самый большой митинг, на котором присутствовало около 50 тысяч человек, прошёл в Ленинграде 20 августа. (...) Одновременно в Кремль шли массовым потоком телеграммы, письма, звонки с поддержкой образования ГКЧП. С мест раздавались требования более решительных мер, конкретных действий по нормализации ситуации». Но вместо мер и действий гекачеписты что? Правильно – вновь отправились на поклон к Горбачёву, где их и арестовали.

19 августа 1991 года толпа собралась только в центре столицы (30-35 тысяч человек). *«К исходу дня 20 августа нормализовалась обстановка в Ленинграде, а точнее, она и не обострилась до опасной степени...».* Введённые в Москву танки не знали, что делать. Но самое горькое – полностью бездействовал созданный комитет. Всё, до чего додумались его члены – собрать пресс-конференцию, где их «демократические» журналисты просто осмеяли.

Перед поездкой к Горбачёву (вновь!!!) 21 августа члены ГКЧП отправились на Фрунзенскую набережную в Министерство обороны СССР к Язову.

*«Хозяин кабинета встретил вежливо, внешне спокойно, но на лице было написано, что в нём всё бурлит... На замечание, что мы приехали посоветоваться с ним лично о дальнейших шагах (всё ездят и советуются общей кучкой, вместо действий, – В.С.), Язов с укоризной и обидой заявил, что **в ответ на бездействие ГКЧП...** (выделено мной – В.С.) Коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из Москвы, и вывод войск уже начался».*

Ну а финал всего, связанного с сохранением Советского Союза, мне представляется и вовсе комичным. Понимаю, это определение «комич-

ным» не совсем подходит к той трагедии, которая ждала народы бывшего СССР впереди. К тем кровопролитиям, которые не прекращаются до сих пор – 33 года спустя. Но скажите, как ещё можно относиться к завершению двухдневной деятельности Государственного Комитета Чрезвычайного Положения, если сам Крючков это описывает так:

«Из кабинета Язова мы позвонили Лукьянову и попросили его приехать в Министерство обороны. Вскоре он прибыл. Обсудили обстановку (вновь, вновь и вновь разговоры, совещания, нерешительность, когда необходимо срочно и решительно действовать! – В.С.), ночное кровопролитие (в тоннеле под Калининским проспектом заблокированные толпой БТРы непреднамеренно задавили трёх нападавших! – В.С.) и пришли к выводу, что далее рисковать нельзя, и потому решили прекратить деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР, выехать в Форос к Горбачёву, ещё раз доложить ему обстановку (это уже просто издевательство над здравым смыслом! – В.С.), попытаться убедить предпринять какие-то шаги (какие? заставить вас выполнять возложенные на вас же Конституцией обязанности по защите СССР? – В.С.) для спасения государства от развала».

Есть несомненная закономерность – все, кто уходит от ответственности в принятии трудных решений под предлогом «непролития крови», в итоге своими бездействиями приводит к такому кровопролитию, что жертв приходится считать уже не единицами, а сотнями тысяч.

Несомненно, в Комитет вошли люди достойнейшие, равнодушные, честные, истинные патриоты Отечества. Профессионалы самого высокого ранга, чести, достоинства... Всех их В.А. Крючков представил в своей книге.

Янаев – получил два высших образования, с 1990 года возглавлял советские профсоюзы. В декабре 1990 избран вице-президентом.

Язов – прошёл всю ВОВ (начал командиром взвода, закончил, командуя полком), неоднократно ранен. Окончил академию им. М.В. Фрунзе и Генерального штаба. Командовал армией. *«Великолепно знает русскую и советскую историю, большой знаток поэзии, любит художественную литературу... сам пишет стихи».* *«В своих показаниях (на суде – В.С.) Язов воспроизвёл историю с передачей США участка морского шельфа: «1 июня 1990 года Шеварднадзе и государственный секретарь США Бейкер подписали соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств. Это произошло в Вашингтоне во время встречи президентов Горбачёва и Буша. Это было совершено в тайне от народа, и даже Министерство обороны не было поставлено в известность. Я же узнал об этом от лётчиков дальней авиации, которые совершали учебный полёт в этом районе и встретили американские истребители. В результате этой сделки наша страна потеряла 51 тысячу квадратных километров морской акватории, где ежегодно вылавливалось до 150 тысяч тонн рыбы ценных пород».*

Лукьянов – доктор юридических наук. *«Разносторонне образован, великолепно знает отечественную и зарубежную литературу, поэт, член Союза писателей СССР. На протяжении 40 лет знал Горбачёва».*

Примерно так можно сказать и о всех других. Да и себя Владимир Александрович представляет как истинного любителя и знатока театрального искусства. Видел постановки зарубежных театров. Восторженно вспоминает спектакли Ефремова в «Современнике» и Любимова в «Театре на Таганке». Только о театре Т. Дорониной бросает пренебрежительную фразу: *«Правда, от таких ведущих театров столицы, как МХАТ им. Горького и Малый театр, ещё долго пахло нафталином».*

Я ожидал, что бывший руководитель КГБ более подробно остановится на такой острой для конца 80-х годов прошлого века теме, как события тридцатых годов. Но тут Крючков в своих суждениях до примитивного банален. Это говорит о том, что он вовсе не обращался к хранящимся

в архивах его ведомства документам, не знакомился с ними. Реплики типа: «культ личности Сталина», «сталинские репрессии», можно было прочитать и без Крючкова во всех «демократических» газетах и журналах того периода. А вот как так случилось, какие были условия созданы в стране, что паренёк из захолустья смог получить высшее образование, стать районным прокурором, а потом продолжить учёбу на дипломата – стоило бы проанализировать, выявить светлые и тёмные стороны прожитого им времени. Ведь в несравнимо более жестоких условиях Иосиф Виссарионович страну собрал и сохранил, а вы с товарищами после трёх случайно погибших бунтовщиков её потеряли, разрушили, раздали по кускам, которые большей частью превратились в патологических врагов русского народа, всех народов России.

Да вот и сам Крючков, вспоминая о своей службе в советской миссии в Будапеште, пишет: «... в марте 1953 года Венгрия очень тяжело пережила смерть *«вождя народов»*. (И тут без укола и кавычек обойтись автор не смог – **В.С.**) *Его там в ту пору действительно почитали, причём уважение и любовь к нему в народе были неподдельными*».

Так, может, это происходило потому, что было за что уважать, почитать и любить?

Зачем я всё это написал? Много ещё чего я бы мог отметить в этой книге, но тогда существует опасность уйти от главной мысли. А она одновременно и проста, и пугающе сложна.

Высшее руководство страны, люди достойные и мужественные, много послужившие Отечеству, проливавшие за него кровь как Язов и Варенников, в главнейший час своей жизни не смогли переступить в себе, в своей душе главную невидимую черту – укоренелое чувство безусловного подчинения генеральному секретарю ЦК КПСС, каким бы явным ничтожеством и предателем он ни был.

Не в первый раз случилось подобное в России (вспомним правление Н.С. Хрущёва, после решений которого мы до сих пор не можем расхлебать заваренной каши), и всё может повториться вновь с катастрофическими последствиями уже для нынешнего времени, для существования с таким трудом возродившейся страны.